

Литературные известия

№ 8 (218)

Август 2023

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в
номере:

Новости

*

Атланты литературы

*

Публицистика

*

Поэзия

*

Искусство

*

Рецензии

*

Литературный кроссворд

НЕ ПРЕДАВАТЬ СВОИХ ИДЕАЛОВ (200 лет А. Н. Островскому)

ЧАСТЬ I

Александр Николаевич Островский (1823–1886) — прославленный драматург, создатель русского национального театра. «Русский Шекспир» — так называли Островского современники, подчеркивая мировой масштаб его таланта.

Ранее драматургия в России была представлена настолько небольшим числом талантливых пьес, что их буквально можно пересчитать по пальцам. Среди них — «Недоросль» (1782) Д. И. Фонвизина, «Горе от ума» (1825) А. С. Грибоедова, «Борис Годунов» (1825), «Маленькие трагедии» (1830) А. С. Пушкина, «Ревизор» (1835) Н. В. Гоголя.

Островский блистательно продолжил эту эстафету, выступил как яркий самобытный писатель, поразил современников новизной открытых им для литературы персонажей и типов. «На покинутое Гоголем добровольно вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве», — справедливо утверждал писатель и этнограф С. В. Максимов (1831–1901).

«Русского Шекспира» еще называли «купецским Шекспиром». Он также хрестоматийно известен как «Колумб Замоскворечья», то есть первооткрыватель в отечественной драматургии особого уклада жизни этой части Москвы, которую населяли зажиточные купцы, мелкий торго-

вый люд, приказчики, ремесленники-кустари, мещане, небогатые чиновники, стряпчие. И сам Островский родился в Замоскворечье, в семье чиновника — выходца из священнической среды, впоследствии дослужившегося до дворянства. Здесь будущий писатель провел детство и юность. Так что жизнь замоскворецких обитателей, которых драматург впервые вывел на русскую сцену, он знал доподлинно: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провел несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и будни, в горе и радости, знаю, что творится и дёется по твоим широким улицам и мелким частным переулочкам».

В орбите внимания писателя не только купечество, но и все социальные слои и сословия России второй половины XIX столетия. Пьесы Островского населяют мелкие торговцы и крупные капиталисты, мелко-травчатые и высокопоставленные чиновники, дворяне и простолюдины, мещане и разночинцы, труженики-интеллигенты, учителя и студенты, актеры и странники, свахи и приживалки, военные, ростовщики, люди без определенных занятий — «вольнопрактикующие» и «праздношатающиеся». Вся эта многоликая, пестрая, объемная, художественно и исторически достоверная картина русской жизни — целый мир, созданный творческим гением замечательного русского драматурга.

Драматург А. Н. Островский

Его деятельность — это колоссальный труд, поистине подвижническое служение русской литературе, национальному театру, народу, России. Драматург создал 47 оригинальных пьес. Подсчитано, что в драмах Островского действуют 728 героев. Причем, это не схематичные, условные персонажи, а живые, яркие, полнокровные личности. Каждый образ психологически точно и социально выверен,

Продолжение на стр. 9

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идущая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

**СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!**

www.writer21.ru
т. (495)-978-62-75

Реклама в газете

**«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»**

Вас прочтут
в 75 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

•(495) 978-62-75•

НОВОСТИ

АНОНС ЖУРНАЛА ПОЭЗИИ «ДЕТИ РА», № 5, 2023

Издательство Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» и Союз писателей XXI века продолжают работать. Журнал поэзии «Дети Ра», № 5, 2023, подготовлен к печати. Печатная версия появится 25 августа 2023 года. А пока — содержание номера.

«Дети Ра», № 5, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА
Евгений СТЕПАНОВ

**ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА
НА КАРТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ**
Евгений МИНИН. **Ни о чем не говоря.** Стихотворения
Сергей БИРЮКОВ. **Карпентьер, или Превратности метода.** Стихотворения
Лилия ГАЗИЗОВА. **Про эту жизнь.** Стихотворения
Евгений СТЕПАНОВ. **Бабочка на Сретенье.** Стихотворения

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Андрей НЕДАВНИЙ. **Дым и силуэты.** Стихотворения
Анна ДОЛГАРЕВА. **Горячий ветер.** Стихотворения
Михаил ГУНДАРИН. **Ночной сторож.** Стихотворения

ПАЛИНДРОМЫ

Борис ГРИНБЕРГ. **Пастораль.** (Палиндромический диптих)

ПРОЗА ПОЭТА

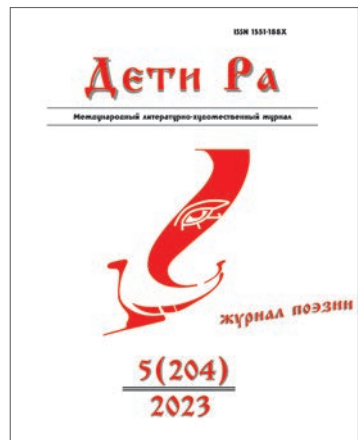
Юрий КАЗАРИН. **Немтырь.** Роман

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Евгений СТЕПАНОВ. **Июнь 2023**

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **«Скоро, скоро удостоен будешь Царствия Небес...».** (225 лет со дня рождения А. С. Пушкина). Статья

НОТА ВЕНЕ: КНИЖНАЯ ПОЛКА СЕРГЕЯ БИРЮКОВА

Прочитанные книги:
Корнелия Ичин, **«Мерцающие миры Александра Введенского».**

РЕЦЕНЗИИ

Книги читали:
Ольга ЕФИМОВА (Сергей Попов, **«Пух и прах»**)
Вера КИУЛИНА (Инесса Ильина, **«От рая до края»**)

Соб. Инф.

ПУБЛИЦИСТИКА

ОБ ЭТИКЕТЕ ОБЩЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ

Есть героические биографии, а есть обычные.

Моя жизнь сложилась так, как сложилась.

В следующем году мне должно исполниться шестьдесят лет. Более тридцати пяти из них я проработал в редакциях газет, журналов, в книжном издательстве. Подвигов не совершал. Но было и в моей рутинной каждодневной работе много интересного.

Впрочем, обо всем по порядку.

Я начал печататься в 1981 году, а работать редактором в 1988 году. Был в советское время литконсультантом журнала «Огонек», литературным редактором еженедельника «Семья», редактором отдела поэзии журнала «Мы», обозревателем газеты «Крестьянская Россия»... Работал также спецкором в газете «Совершенно секретно», репортером и начальником отдела рекламы в журнале «Столица» и в других изданиях.

Более двадцати лет руковожу издательством «Вест-Консалтинг», выпускаю-редактирую журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и другие СМИ.

Издal более двух тысяч наименований книг.

Моя работала дала мне радость общения со многими известными и талантливыми людьми. Я издал книги Виктора Сосноры, Геннадия Айги, Владимира Дашкевича, Сергея Есина, Славы Лёна, Юрия Казарина. Александра Тимофеевского, Юрия Влодова, Юрия Беликова, Сергея Бирюкова, Константина Кедрова, Елены Кацубы, Нины Красновой, Валерия Тюпы, Владимира Алейникова, Кирилла Ковальджи, Тамары Жирмунской, Владимира Бояринова, Максима Замшева, Вячеслава Воронкова, который в советское время был председателем горисполкома Сочи, Владимира Гринина, бывшего посла РФ в ФРГ, Владимира Казиминова, работавшего в разные годы послом в шести странах, Александра Казинцева и многих-многих других.

Публиковал в периодике произведения Эльдара Рязанова, Евгения Весника, Александра Солженицына, Эдуарда Тополя, Джуну, Эдуарда Лимонова, Константина К. Кузьминского, Новеллы Матвеевой, Владимира Соколова, Юрия Полякова, Эдуарда Асадова, Игоря Шкляревского, Ольги Кучкиной, Юрия Ряшенцева, Татьяны Бек, Ольги Ермолаевой, Вероники Долиной, Сергея Мнацаканяна, Владимира Гандельсмана, Алексея Цветкова, Бахыта Кенжеева, Андрея Таврова, Анны Долгаревой... Список этот можно продолжать очень долго.

Наша компания «Вест-Консалтинг» под кураторством Сергея Чупринина создала сайты таким поэтам, как Евгений Евтушенко, Виктор Соснора, Евгений Рейн, Александр Кушнер, Олеся Николаева, Сергей Гандлевский, Геннадий Русаков, Олег Чухонцев, Инна Лиснянская, Наум Коржавин, Юлий Ким, Тимур Кибиров, — короче, всем лауреатам премии «Поэт».

Я делал интервью с Юрием Любимовым, Сергеем Бондарчуком, поэтом-пародистом Александром Ивановым, Михаилом Таничем, Артёмом Боровиком, Василием Аксёновым, Дмитрием Савицким, Юрием Мамлеевым, Алексеем Хвостенко, Евгением Сидоровым, Сергеем Филатовым, Андреем Турковым, Дмитрием Сухаревым, Еленой Камбуровой...

Тридцать пять лет активной работы в издательско-редакторско-журналистском деле все-таки не прошли даром.

За эти годы у меня сложились хорошие, добрые отношения со многими авторами.

Некоторые из них удивляли меня не только своим даром, но и замечательным тактом, высоким этикетом человеческого общения.

...Помню такой случай. Мне было двадцать пять лет. Меня только что назначили редактором отдела поэзии журнала для подростков «Мы». И я решил напечатать стихи знаменитого режиссера Эльдара Рязанова, которым — как мастером комедии и ведущим «Кинопанорамы» — восхищался.

Вообще, Эльдар Александрович научил меня отношению к жизни. Научил смеяться над собой, не воспринимать себя всерьез. И работать, работать с полной самоотдачей.

«Кинопанорамы» Рязанова стали для меня, пожалуй, главным эстетическим университетом.

В жизни я видел Рязанова однажды — на съемках фильма «Небеса обетованные», которые проходили (в том числе) возле станции метро «Новокузнецкая».

Это прозвучит, конечно, громко и пафосно, но я состоял в переписке с Эльдаром Рязановым. Если быть точным — письмо было одно. От Эльдара Александровича — ко мне.

Итак, в 1990 году я предложил Рязанову, позвонив ему по телефону, напечатать стихи в нашем издании. Знаменитый режиссер неожиданно для меня быстро согласился и предложил мне забрать рукопись его стихов на Высших режиссерских курсах. Письмо ко мне (безвестному молодому редактору) начиналось так: «Дорогой Евгений Викторович...» Я был поражен... И с тех пор понимаю, что такое — хорошо воспитанный человек. Хорошо воспитанный человек вежлив со всеми. Вне зависимости от возраста и регалий... В дальнейшем я старался хоть в этом быть похожим на выдающегося режиссера.

Когда много лет назад С. И. Чупринин поручил мне делать сайт лауреату премии «Поэт» Сергею Гандлевскому, мне было немного не по себе. Дело в том, что накануне я опубликовал острую статью, где подверг критике поэзию этого автора. В частности, за неряшливые рифмы. Меня, конечно, потом за это сурово ругали в прессе, но я и тогда считал, и сейчас считаю, что литературный критик — союзник поэта (прозаика). И он старается (в меру своих сил) найти слабые места у автора и указать на них. Чтобы у автора была возможность эволюции, творческого роста. Чем талантливее автор, тем строже с него спрос.

В любом случае я отдавал себе отчет в том, что Сергей Маркович мог на меня обидеться и послать куда подальше.

Но делать нечего... работа есть работа. Заказ Чупринина мне надо было выполнять. Я написал деловое письмо С. М. Гандлевскому.

В ответ получил доброе велеречивое послание, которое начиналось словами «Глубокоуважаемый Евгений Викторович...»

Сайт мы сделали. По-моему, все остались довольны.

С тех пор в переписке я называл г-на Гандлевского исключительно глубокоуважаемый Сергей Маркович. Хорошие манеры перенимать никогда не поздно.

Я как автор довольно давно начал печататься (со стихами и прозой) в легендарном санкт-петербургском журнале «Звезда», где сотрудничаю с редактором отдела поэзии и ответственным секретарем Алексеем Пуриным.

Многие годы мы называли друг друга по имени-отчеству. Но однажды я получил письмо от Алексея Арнольдовича, где он — по праву старшего — предложил мне называть друг друга по имени. Я с радостью согласился.

Предлагали мне называть себя по имени и перейти на «ты» и Александр Павлович Тимофеевский, и Сергей Евгеньевич Бирюков, но тут я отказался. Бирюков — мой учитель. А Тимофеевский, с которым мы действительно дружили и даже неоднократно выпивали, все-таки был старше меня на тридцать лет.

Это я сейчас рассказал о тех людях, которыми восхищаюсь. Которые для меня образец в этикете.

К сожалению, этикет с годами меняется. И не в лучшую сторону.

Теперь я как редактор часто получаю такие письма: Здравствуй, Евгений. Хочу напечататься в вашем журнале.

Подписываются именем, а часто именем-отчеством.

Я поначалу удивлялся. Ну как же так? Разве сложно обратиться по имени-отчеству к незнакомому человеку?

Когда я задавал авторам этот вопрос, они либо ничего не отвечали (и прекращали общение), либо писали в ответ, что не знают моего отчества и т.д.

И это в век интернета, когда достаточно зайти в Яндекс или Гугл, открыть Википедию, чтобы получить нужную информацию.

Иногда авторы отвечали, что, мол, на Западе принято всех называть по имени.

Это так. Но во-первых, мы живем не на Западе. А во-вторых, и на Западе есть свой этикет. Например, мне предлагал перейти на «ты» один французский поэт, с которым мы в хороших, добрых отношениях. Но я отказался. Он старше меня намного, и мне было неловко.

Я не могу представить себе ситуацию, чтобы я послал стихи в другой журнал, неизвестному редактору, и не назвал бы его по имени-отчеству...

Почему же так делают другие?

Особенно забавно, когда тридцатилетний (например) автор обращается к тебе по имени, а сам величает себя полным именем — условно Иваном Ивановичем Ивановым. Это как понимать? Он уважает себя, а меня совсем ни в грош не ставит. Тогда почему обращается ко мне?

В последнее время я на такие письма не отвечаю. Если писатель не знает азов этикета, то что он может сказать читателю, чему может научить?

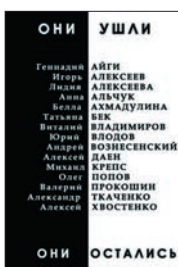
У меня нет претензий ни к кому. Я просто хочу понять: почему так происходит? Почему утрачены элементарные правила межличностного общения? Почему подростки предпочитают говорить не на прекрасном русском языке, а матом, почему редкий человек придерживает дверь в вестибюле метро, почему на приветствие «добрый день» чаще всего отвечают «добрый»? И т.п. Ведь это невежливо. Может быть, это недоработка школы или семьи?

Ей-богу, не знаю. Казалось бы, тут как раз и нужны писатели, сеющие доброе, разумное, вечное. Но писатели, как показывает жизнь, сами часто не на высоте положения.

Меньше всего хочется прослыть ворчливым, брюзжащим стариком. Но и молчать в данном случае не считаю возможным. У меня остается право не отвечать на любое некорректное письмо.

Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии «Они ушли. Они остались», составленный Евгением Степановым, всегда в продаже в магазине «Литлавка»

<http://litlavka.ru/>

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

В серии «Библиотека Поэтограда» вышла новая книга Инессы Ильиной, заглавие которого моментально настраивает читателя на лирический лад. Масштаб проблем, волнующих автора, весьма впечатляет. Счастье и любовь, верность и предательство, ответственность за братьев наших меньших... А еще психология творчества, к которому у автора с детства лежит душа. Будучи разносторонне одаренной личностью, автор признается в любви к театру, к нелегкому труду актрисы, которому посвятила жизнь:

И мне суждено, Жар-Птица,
С восторгом тебе служить
И плакать, когда случится
Перо твоё находить.

Театр, дороги, путешествия, превратности любви... всему этому в данном сборнике уделяется большое внимание. Книга состоит из нескольких больших разделов, и каждый читатель получит возможность погрузиться в ту тематику, которая в данный момент ему наиболее близка. Особенно хочется выделить пейзажную лирику автора, наполненную христианскими мотивами, созерцанием и стремлением к гармонии. Так, например, тихонько в жизнь лирической героини Инессы Ильиной входит зима:

Где под маской не видно лица.
Запорошена новью дорога.
Мы — неведомый замысел Бога,
Словно глина, в ладонях Творца.

Вопрос о смысле жизни рано или поздно встает перед каждым человеком. Кто я? Зачем я здесь?... В суетной жизни часто не хватает времени, чтобы остаться наедине с собой. И если с поиском собственного призвания отдельный человек может справиться, то предназначение человечества как биологического вида до сих пор остается непостижимым людскому уму. Автор, будучи чуткой натурой, улавливает, что в размышлениях подобного рода самое важное — мера. Поскольку рациональное начало пасует перед неведомым замыслом Божьим, размышляя о будущем, самое мудрое — положиться на волю Творца...

Ветер играет центральную роль в эстетическом воплощении темы осени. В этом времени года есть своя красота. Неприкаянность ветреной погоды погружает лирическую героиню в грустные размышления. Стихия ветра, тесно связанная с судьбой отдельно взятого индивида (пусть это и вымышленный персонаж), служит для автора символом единства природного начала и человеческого бытия:

Илья Мечников...

Светлое, сильное имя; из тех героев человечества, чья работа направлена на улучшение жизни, то есть движется согласно велениям световой вертикали.

Биография Мечникова, изданная издательством «Вест-Консалтинг» в 2021 году, написана Семёном Резником с той мерой доброты и проникновения в область образа ученого, что чтение захватывает, как может захватить детектив, но здесь — правда. Правда, умножаемая на художественность. И нежность интонаций, вплетенная в ткань повествования, подчеркивает, сколь проникся автор бытованием своего великого героя на земле.

«Нервный ребенок» — глава о детстве. Многоцветными красками детской акварели мерцает она, и становится ясным, сколь все не просто было в судьбе ученого.

Широкими лентами, испещренными знаковыми письменами, развернутся гирлянды жизни Мечникова...

Будет университет — с напряжением обучения и первых прорывов в науке, будет путь, исполненный благородства, от доцента до профессора.

Будут и своеобразные взаимоотношения со Львом Толстым, титаном другой области человеческого бытия.

Инеcса Ильина

От рая до края

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

Ветрено, в травах запутался ветер,
Или рыдает страдающий Вертер
О безответной любви?
Или кричат журавли?

Мы не грустим просто так. С помощью природных образов автор напоминает нам: осень — самое время навести порядок в голове и сердце. Несмотря на то, что подчас в стихотворениях Инессы Ильиной разворачивается тревожный пейзаж, образ «барашков» смягчает пасмурное настроение лирической героини, хотя она и призывает читателя уважительно относиться к погодным явлениям:

Ветренно гонит свинцовые тучи,
Словно барашков воздушных, летучих,
Ветер — небесный пастух.
Грозной стихии дух.

От этих строк исходит ощущение жизненных сил и стойкости. Неудивительно: ветреная погода нравится людям «со стержнем», которые предпочитают идти к своей цели вопреки внешним обстоятельствам. Артистическая натура

автора не дает ей усидеть на месте: лирическая героиня Инессы Ильиной исследует мир, оттого мотиву дороги в книге отведено немало места:

Серпантином дорога
Вертикально бежит,
От порога до Бога,
Сквозь морской малахит.

Дорога — символ двойственный: с одной стороны, сулит перемены, но с другой стороны, место тревожное — мало ли какие опасности подстерегают на пути? Недаром за путешествующих возносятся особые молитвы. У многих «дорожных» произведений нет жесткого окончания, финал, как правило, вариативен: может произойти все, что угодно, и эта неопределенность то пугает, то воодушевляет. Неопределенность — вероятность всего, а значит, и того, что лирическая героиня видит в самых счастливых снах... Артист — профессия кочевая, тут не соскучишься, недаром впечатлениям от путешествий по миру посвящен целый раздел. И все же выше других искусств автор ставит поэзию:

Поэзия, подруга дорогая,
Давай поговорим, о том, о сем:
Как в этом мире, отдыха не зная,
Мы, как умеем, боремся, живем.

Американский психотерапевт Ирвин Ялом утверждал: «Творчество придает жизни смысл». Пройдя долгий путь личного становления, автор с чистой совестью имеет право утверждать: поэзия — это концентрированная жизнь, возвышающая прикоснувшихся к ней, как автора, так и читателя, над вечным круговоротом дней. Мы ставим себя на место лирической героини, путешествуем, грустим и радуемся вместе с ней. Стихотворения Инессы Ильиной оставляют у читателя ощущение тепла и дружеского эмоционального контакта. Она создает мир, в котором уютно жить.

Вера КИУЛИНА

Семён Резник

Мечников

«Судьбы выдающихся людей»

М.: «Вест-Консалтинг», 2021

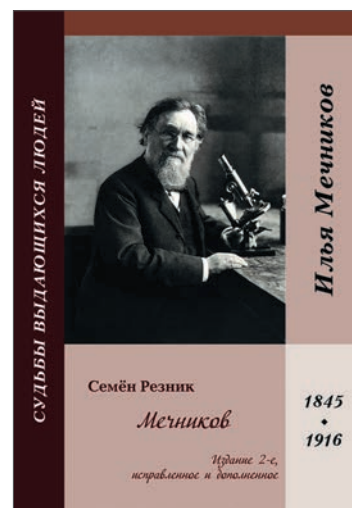
Язык Семёна Резника поэтичен: часто фраза строится музыкально, как стихотворная строка, что создает особый эстетический эффект.

Художественность лучше казенщины. Нигде не изменяя чувству меры, Резник создает красиво-выверенный текст.

Главное, конечно, герой: перипетии его жизни, его открытия — на уровне откровений, его борьба и... просто жизнь, которая была невероятно насыщенной событиями, ведь из нее, жизни, и вытекает возможность открытий.

Яркая книга — из тех, что расширяют кругозор и доставляют эстетическую радость.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

з а х о д и т е ! ч и т а й т е ! з а к а з ы в а й т е !

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Поэзия — та же... нет, не добыча полезных ископаемых, как утверждал классик, но нечто большее — взаимодействие с живой и непредсказуемой природой слова. Сопоставление рыбной ловли и стихосложения, вынесенное в заглавие данной книги, считаю весьма точным. Рыбалка, будучи динамической медитацией, зависит от многих факторов: направление ветра, температура воды, не говоря уже о времени суток. Человек, всецело погруженный в эти два захватывающих процесса, терпеть не может, когда его отвлекают. Излишняя суета лишь спугнет крупную рыбу... Концентрат жизненной мудрости, выраженной в коротких белых стихах Елены Ткачевской, притягивает читателя, заставляя по несколько раз возвращаться к прочитанному:

Наклон ковша Большой Медведицы
такой, что ничего в нем не удержится.
А разве небо звездное старается
кого-то или что-то удержать?

Глядя на небо, ощущаешь свободу и надежду. Отрешенность от земной суеты и восхищение далекими звездами «перезагружают» психику человека, придают жизненной силы. Путешествие в пространство, не имеющее ни конца, ни начала, удивительно вдохновляет. А еще возможность радоваться моменту открывает в человеке наблюдательность. Правда, заметить прекрасное — это полдела. Воплотить, подыскать нужную форму — тут нужно поработать над словом. Стихотворения Елены Ткачевской — о главном, и говорит автор тихим и задушевым тоном, зачастую отмечая рифму:

Счастье
нажать
на кнопку звонка
и дожидаться
открытия двери
а не открывать ее
своим ключом

Счастье — как воздух. Когда он в изобилии, не замечаешь, как дышишь. Но стоит попасть в душную комнату — и голова раскалывается. Счастливая жена и мать, прочитав это, только плечами пожмет: да, так и есть. Но как мучительно бывает возвращаться одинокой работающей женщине в свою «однушку», где, кроме кота, никогошеньки нет... Для достижения необходимого эффекта Елена Ткачевская разбивает это предложение (да, все стихотворение — одно, хоть и сложное, предложение!) даже не на словосочетания, а на отдельные слова. Звучание, близкое к устной разговорной речи, преисполнено паузами, что делает каждое слово максимально

Елена Ткачевская
Улов искомым слов
М.: Издательство Евгения Степанова, 2023

полновесным. Кажущаяся выбранной интуитивно синтаксическая конструкция данного стихотворения передает нам специфически выверенную информацию. Паузы выстроены именно так, чтобы при прочтении свой ключ лирической героини воспринимался нами как нечто малозначимое (хотя тут бы я поспорила — многие ли живут в собственных квартирах, а допустим, не в ипотечных?). Но в данном случае такая важная вещь, как собственная квартира, меркнет на фоне гораздо более важной. Это уже ближе к русской пословице «С милым — рай и в шалаше», это уже не про базовую потребность в безопасности, а про тоску иного порядка, которую не купишь ни за какие деньги...

Впрочем, все представленные в этой книге произведения при глубине лирического высказывания дышат легкостью. Будто наблюдения, зафиксированные «в моменте», когда автору срочно необходимо прервать все дела и записать пришедшие в голову строки. Однако эта легкость рождается в точке предельной концентрации авторского внимания над тем, что предстоит сказать. И нам немного грустно от того, что речная синева — всего лишь зеркало небесной тверди:

Глубоко ли небо
в реку падает?
Достают ли до дна
облака?

И не слишком ли
Волга-реченька
синеве такой глубока?

А здесь мы слышим отзвуки народных песен. Елена Ткачевская добавляет в текст фольклорную интонацию. Конечно, мы говорим не только об уменьшительно-ласкательном суффиксе, но и о былинной напевности данного философского стихотворения. Вечные философские проблемы познания, относящиеся к общечеловеческим ценностям, преподносятся читателю в стилизации под фольклорную традицию, в которой интерес к окружающему миру огромен, а теоретическое содержание вопроса вторично. Такая интонация наполняет многие из вошедших эту книгу стихотворений:

А в нескошенную травушку
глухо падают яблоки спелые.
Духом яблочным ночь наполнена,
и прохладны раздумья про осень.

И — тревожно. И как-то не по себе. Дыхание осени исподволь входит в текст. Поэтическим сознанием автора осень воспринимается как начало одухотворенное, но символизирующее угасание. Елена Ткачевская использует образ падающего яблока — эта яркая деталь заставляет читателя призадуматься о вечном. Время сбора урожая — еще и повод поразмышлять о плодах своих собственных деяний... А год заканчивается, время летит быстро, и вот уже завораживающая ритмика стихотворения о снеге умиротворяет читателя:

При многократном повторении
лишь он один остался первым,
лишь он один остался белым,
при том, что в сущности — холодный,
да и всего лишь — аш два о

Это пишет человек, посвятивший свою жизнь химии. Ну да, формула воды — проще не придумаешь. Но образ снега, созданный автором, дает нам понять: зима — это радость. Это очищение души от всего плохого, это и успокоение, и утешение. Новая книга Елены Ткачевской, пополняющая серию «Авангарды», дает нам шанс посмотреть на мир глазами тонкого и задумчивого поэта, приятно удивляющего читателя глубиной лирических рассуждений.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

СМ. В ИНТЕРНЕТ-
МАГАЗИНЕ
WWW.LITLAVKA.RU

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Владимир Лебедев — поэт, прозаик. Родился в 1937 году в г. Сергач Горьковской области, СССР. Живет в г. Нижний Новгород. Автор многочисленных книг и публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2019 года.

НА ПОВОДУ

Пускай в стихи я верю, как в судьбу,
Горит во мне к родной земле огонь.
И если уж иду на поводу,
То у Пегаса — он везет, как конь.

ТОРОПЫГИ

Вновь в бестолковой брэнной суете,
В кладовых слов шныряя по привычке,
Хватаем торопливо только те,
Что нами же исчерканы, как спички.

ПОЛИГОН

Страстно скрещая шпаги
С тем, кому параграф мил,
Я хочу, чтоб лист бумаги
Полигоном мысли был.

ПРЕПИНАНИЕ

Мы задаем вопрос, когда неясно,
И ставим точку, коль сомнений нет.
Но многоточье... как оно опасно,
Когда вдруг срочный надо дать ответ.

СМЕНА ЖАНРА

Литературным радуюсь финтам,
К изменам в жанре, как никто, пристрастен —
Лишь только с дамой заведет роман,
Так сразу переходит к жанру басни.

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ

Где свет-любовь нам слово молвит,
Поет душа, трубят мечты,
И сквернослов не сквернословит,
А лишь общается на «ты».

ЧАСТИЦА

Вновь о поэзии высокой
Мы рассуждаем, а она
Нам, будто диск Луны далекой,
Лишь частью малою видна.

«ПО ЗАСЛУГАМ»

Избили истину при всех чужие дяди —
Ликует ложь, что дали той урок.
И вот ее представили к награде,
А с истины решили брать налог.

ХРАП

Где глупость скачет на коне
И ложь, лжуя, правит бал,
Где совесть спит, храпя во сне,
Там здравый смысл не ночевал.

ГДЕ ЖЕ?

Наша жизнь — увы — сплошной экстрим:
Щелкнет по лбу иль ударит в темя.
Видно, неисправен механизм.
Где же часовщик, что чинит время?

ХВАТКА

Коль хочешь в жизни ты чего добиться,
Так докажи, что ты не лыком шит.
И вот ловкач за хвост схватил жар-птицу,
А прохиндей ее уж потрошит.

БОЯЗНО

Пусть я не принц, не князь, не граф,
Но слабость к почестям имею.
Хочу быть видным, как жираф,
Но вот боюсь: дадут по шее.

НЕПОГОДА

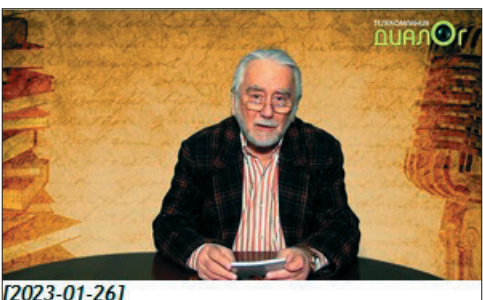
Всю ночь метелило, пуржило,
Крутилось в дикой серой мгле,
Скрипело, выло и кружило —
В отдельно взятой голове.

КТО ВИДЕЛ?

Природа с красотой ладит,
Рисует мир не впопыхах.
Вы видели лису в помаде?
А зайца с пирсингом в ушах?

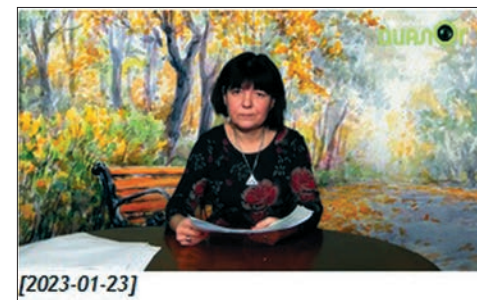
РЕКЛАМА

«Диалог» —
ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «Диалог»
СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ**

адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

(К 205-летию И. С. Тургенева)

«Рудин» (1855) — первое произведение романного творчества русского писателя-классика Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) в ряду его замечательных романов: «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1859), «Отцы и дети» (1861), «Дым» (1867), «Новь» (1877).

Тургеневский художественный мир можно определить словами М. Е. Салтыкова-Щедрина: «это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом»¹. Лаконичный отзыв длиной в одну строку вместил в себя безграничное: Любовь, Свет, вода жизни — ключевые именованья в Новом Завете: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8); «Свет истинный, Который просвещает всякого человека» (Ин. 1: 9); «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Откр. 22: 17). Читатель словно напитывается этой живой водой.

Главный источник светоносности, гармонии и соразмерности тургеневской прозы, ее благотворного влияния на душу — в Евангелии, которое составляет особый глубинный пласт художественного текста.

Один из ведущих мотивов, определяющий идейно-эстетическую структуру образа и своеобразие характера главного героя романа «Рудин», восходит к христианскому сказанию о вечном страннике — Агасфере. На него указывают в эпилоге сам Рудин и его знакомый Лежнев, сменивший холодную неприязнь к актерствующему «человеку фразы» горячим сочувствием «бесприютному скитальцу». Мотив скитальчества, неизменно сопровождающий Рудина и проходящий сквозь всю художественную ткань текста, в финальных сценах сгущается, концентрируется, получая, наконец, свое истинное именование: «Ты назвал себя Вечным жидом»².

Вечный жид — легендарный Агасфер, согласно преданию, не дал приюта и отдохновения Христу, когда Господь, шествуя по Своему крестному пути к месту Распятия на Голгофу, остановился у стены Агасферова дома. За это Агасфер был лишен не только своего дома, но и вообще какого-либо пристанища; обречен на вечные скитания до второго пришествия Христа. Такая кара генетически восходит к наказанию библейскому завистнику-братоубийце Каину, которого Бог навеки лишил покоя и обреч неприкаянно скитаться по свету.

Христианское сказание об Агасфере будоражило воображение начиная со средних веков и получило самое широкое распространение. Пугающая тень Вечного жиды виделась людям по всему миру. Легенда нашла воплощение в западноевропейской литературе: в поэзии Шубарта, Ленау, Гёте, философской драме Э. Кине, романе-сатире Э. Сю и др. В русской словесности образ Агасфера привлекал внимание Пушкина (известен набросок стихотворения «Агасфер»), Кюхельбекера («поэма в отрывках» «Агасвер»), Батюшкова (замысел поэмы об Агасфере), Жуковского (последняя — незавершенная — поэма «Агасвер, или Странствующий жид»). Вечный жид у Жуковского —

Богообидчик,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И в смерти — жизни; вечно по земле
Бродить приговоренный³...

Тургенев в «Рудине» представил собственную трактовку сюжета об Агасфере. До времени скрытое в подтексте религиозно-философское наполнение романа в финале прорывается на поверхность, являя себя в христианской концепции мира и человека: «Все мы под Богом ходим» (5, 321). О действии Высшего Промысла в человеческой судьбе напоминает Рудину Лежнев в их прощальной беседе: «А почему ты знаешь, может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение» (5, 321).

«Высшее» назначение грешника Агасфера не только в том, что он вечно несет свое наказание, но и в том, что тем самым он вечно свидетельствует о Боге. Также Рудин, ни разу не упоминая имени Христа, в моменты душевного подъема, высокого вдохновения невольно — «для него самого неожиданно» (5, 230) — становится провозвестником Божественных установлений: «казалось, его устами говорило что-то высшее»; «Рудин говорил о том, что придает вечное значение временной жизни человека» (5, 230). Герой признает, что «быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости» (5, 230).

Мотив бесприютности и скитаний не как «охота к перемене мест», но именно как наказание за грех, восходящий к Агасферу и укорененный в более древнем библейском образе Каина, — один из ведущих в мотивном комплексе, формирующем образ Рудина. Тема выстраивается исподволь, оставаясь поначалу сокрытой в подтексте, однако неизменно сопутствует главному герою, начиная с его первого появления на страницах романа.

Можно заметить, что в портретном описании при самом первом знакомстве с Рудиным проступают некоторые внешние черты израильтянина Агасфера: «курчавый, смуглый», будто выжженный солнцем библейской пустыни странник в потрепанной одежде: «Платье на нем было не ново и узко, словно он из него вырос» (5, 219).

Исследователями давно отмечено, что облик героя складывается из разнородных черт⁴. Еще один диссонанс в ряду противоречий — смех Рудина: «Когда он смеялся, лицо его принимало странное, почти старческое выражение, глаза ежились, нос морщился» (5, 234). Эта «странность» — приметы дряхлости в нестаром человеке — намекает на некую «вневременность», «вечность» образа.

Мастер «тайной психологии» — Тургенев умеет передать внутреннюю жизнь персонажа, заостря внимание на внешних проявлениях духовной, душевно-эмоциональной сферы: мимике, жесте, взгляде, звуке голоса и т. д. Поза Рудина

в светской гостиной красноречиво указывает не только на его внутреннее состояние, но и содержит намек на судьбу героя. Он сидит, «держа шляпу на коленях» (5, 219). Это не просто жест невольного смущения незваного гостя. Здесь вербально не выраженное указание на привычку к скитаниям как образу жизни: в любой момент Рудин готов сорваться с места, откланяться, удалиться.

Он всегда в пути, и в гостиную Дарьи Михайловны Ласунской оказался также случайно, проездом, с дороги. Его внезапное появление (ожидали другого гостя) предваряет «стук экипажа» (5, 219). Драматическую развязку свидания с Натальей у Авдюхина пруда сопровождает «легкий стук беговых дрожек» (5, 283) — как предвестие того, что Рудин вынужден будет вскоре покинуть дом Ласунской: «Он уезжает... Ну! дорога скатертью» (5, 287). Впоследствии характерные звуки дороги — отрывистое позвякивание бубенчиков, стук колес — «небольшого тарантаса» (5, 219), «плохенькой рогожной кибитки» (5, 307) и, наконец, даже «телеги» (5, 309) — устойчивый атрибут героя-путника. К тому же перемена вида дорожных экипажей наглядно свидетельствует о том, что с годами странник, нигде не нашедший себе места, не сумевший применить себя ни к какому делу, попадает все в более стесненные жизненные обстоятельства, бедственное — вплоть до нищеты — положение.

Телега становится не только метафорой судьбы героя, но и философской универсалией — воплощением жизни человека, тянущегося своим путем к последнему пристанищу — смерти. По догадке В. М. Марковича, «детали дорожной сцены (начиная с "седого мужичка" на облучке, погоняющего тройку лошадей) отчетливо соотносятся с мотивами пушкинской «Телеги жизни».

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка,
Ямщик лихой, седое время
Везет, не слезет с облучка...»⁵

В универсально-философской «многослойности» романа угадываются и другие поэтические аллюзии сходного лирико-символического плана. Агасферовские мотивы в жалобах Рудина: «мне уже наскучило таскаться с места на место. Пора отдохнуть» (5, 241); «Мне остается теперь тащиться по знойной и пыльной дороге, со станции до станции, в тряской телеге... Когда я доеду, и доеду ли — Бог знает...» (5, 264) — соотносятся также с «Дорожными жалобами» (1829) Пушкина:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил⁶.

Ассоциативные образные связи с Пушкиным тем более важны, что имя поэта и его творчество входят в роман как один из важных ценностных критериев. С любовью выписывая глубокую и поэтичную натуру Натальи Ласунской — первой в галерее «тургеневских девушек», автор упоминает, что «она знала наизусть всего Пушкина» (5, 240). Волынец, например, при всем благородстве своего характера не обладает эстетической отзывчивостью: «к литературе влечения не чувствовал, а стихов просто боялся. "Это непонятно, как стихи", — говаривал он» (5, 271).

Неслучайно поэтому Наталья испытывает к влюбленному в нее Волынцеву лишь дружеское расположение. Рудин же увлекает девушку, в том числе своей склонностью к поэтизации жизни: «Поэзия — язык богов. Я сам люблю стихи. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью» (5, 241). В своих речах герой умеет возвышаться «до поэзии» (5, 230). Тургенев доверяет ему собственные сокровенные мысли, выраженные в афористической форме: «где красота и жизнь, там и поэзия» (5, 241).

Рудин, конечно, выделяется из обывательского окружения. В нем нет ничего зоологического, как в «доморощенном Мефистофеле» Пигасове (автор отмечает его «лисые личико»); как в дамском угоднике и шпионе Пандалевском (если разложить фамилию на составляющие, получится «панда» — миловидный травоядный зверь и хищный «лев» — охотник за добычей). Нет в Рудине и прагматичности, приземленности, тогда как, например, его бывший приятель по университету Лежнев, занявшийся хозяйствованием в собственном имении, при всей своей человеческой порядочности утратил юношескую окрыленность, превратился в «мучной мешок» (5, 202).

Рудину же, как перелетной птице, необходим простор. Тема вечных скитаний находит подкрепление и в предыстории Рудина: «Я родился перекасти-полем <...> Я не могу остановиться» (5, 320). В пересказе Лежнева повествуется о скитальческой жизни главного героя с его раннего детства: после смерти отца ребенок рос и воспитывался вне дома, у чужих людей, за чужой счет. Обласканный богатой помещицей Ласунской, Рудин временно «царит» «великим визирем» (5, 244) в ее доме, в сущности оставаясь все на том же унизи-тельном положении приживальщика, которого «роняют <...>, как перчатку после бала, как бумажку с конфетки» (5, 291), когда он становится ненужным.

Контраст тем более велик, что Рудин стремился выглядеть, «как путешествующий принц» (5, 228), а с ним обошлись, как с бездомным бродягой. В который раз «гонимый миром странник» лишается временного пристанища: «надеялся, что нашел хотя временную пристань... Теперь опять придется мыкаться по свету» (5, 294). Рудину даже не дано времени на сборы и прощание: «Он наскоро уложился»; «стал торопливо прощаться со всеми. <...> его как будто выгоняли» (6, 291–292). Он покинул дом Дарьи Михайловны так же внезапно и стремительно, как и появился в нем: «проворно сбежал с лестницы, вскочил в тарантас» (5, 292).

Скандинавская легенда, поведенная Рудиным в первый вечер у Ласунской: «птичка, как человек в мире: прилетела из темноты и улетела в темноту» (5, 230), — явилась аллегорией его собственной судьбы. Образно говоря, Рудин прилетел из темноты и улетел в темноту — в неизвестность, недолго побыв «в тепле и свете» (5, 230). В то же время Тургенев представил здесь метафору человеческой души. Та «темнота»,

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

(К 205-летию И. С. Тургенева)

Продолжение. Начало на стр. 6

откуда она вылетает и куда улетает, непостижима для земного разума, недоступна физическому зрению.

Открытый писателем в его первом романе образ одинокой птицы без гнезда как символ трагизма жизни человека: «наша жизнь быстра и ничтожна <...> в самой смерти найдет он свою жизнь, свое гнездо» (5, 230) — стал философской универсалией и прошел через все тургеневское творчество, обретая свое завершение в прощальном цикле **«Стихотворений в прозе»** (1878–1883): «Устала бедная птица... Слабеет взмах ее крыльев; ныряет ее полет. Взвилась бы она к небу... но не свить же гнезда в этой бездонной пустоте!» (10, 178).

Порыв к небу остается бесплодным, поскольку небесная высь рефлексирующему сознанию в русле философии «космического пессимизма» представляется трагически опустошенной. Точно так же трагизм жизни Рудина заключается в том, что «замечательно умный» герой — «в сущности пустой» (5, 252). Такие люди неспособны почувствовать себя «как бы живыми сосудами вечной истины» (5, 257). Рудин — «сосуд скудельный», не наполненный Божественной истиной **«Наполняющего все во всем»** (Еф. 1: 23).

Извечный вопрос об истине, ответа на который допытывался Понтий Пилат у Христа: **«Что есть истина?»** (Ин. 18: 38), — в тургеневском романе формулируется предельно заостренно, путем троекратного повтора: «а истина — что такое истина? Где она, эта истина? <...> Я спрашиваю: где истина?» (5, 226–227).

В споре с Пигасовым Рудин берется с видом всезнания толковать о необходимости «быть и жить в истине» (5, 226), однако он столь же далек от нее, как и его оппонент — скептик и мизантроп. Рудина просят обратить «старого грешника» Пигасова «на путь истины» (5, 226). Но главный герой тургеневского романа никоим образом не соотносится с Иоанном Предтечей, который призывал **«приготовить путь Господу», «прямыми сделать стези Его»** (Мф. 3: 3). Рудин не ведает ни истины, ни истинного пути. Вдаваясь в «метафизические тонкости» (5, 223), он не постигает главного: что истина, не извращенная человеческими измышлениями, лукавым мудрствованием, — Сам Христос, сказавший: **«Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь»** (Ин. 14: 6); **«Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает глас Моего»** (Ин. 18: 37).

Прозвучавшую в романе легенду о птице можно переосмыслить и в православном ключе. Тогда она приняла бы не трагический, а спасительный характер, как, например, в письме святителя Феофана Затворника о духовной жизни: «Бог в помощь, спасайтесь! Со страхом и трепетом подобает нам проходить дело свое и житие свое, и служение свое, то, что кому положено, и где, и как положено. Как райскую птичку, надо беречь сей страх, чтобы не улетел. Улетит, трудно поймать. Чтобы не улетел, надо двери клетки затворить: собрать мысли и связать чувства вниманием»⁷.

Подобный спасительный трепет самонадеянному велеречивому герою до поры неведом. Рассуждая о стремлении «к отысканию общих начал в частных явлениях» (5, 223), философствующий герой не доходит до главного и основного «общего начала» всех начал — **«Бога живого»** (2 Кор. 6: 16), **«В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»** (Кол. 2: 3), ибо **«Он есть прежде всего, и все Им стоит»** (Кол. 1: 17), и **«никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»** (1 Кор. 3: 11), **«Ибо все из Него, Им и к Нему»** (Рим. 11: 36).

«Кто учит иному, — говорит апостол Павел, — и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины» (1 Тим. 6: 3–5).

«Проклятым философом» назвал Рудина честный и прямой Вольтер, помышляющий даже о дуэли: «Я его, проклятого философа, как куропатку застрелю...» (5, 285). От подобных философов предостерегал святой апостол, советуя отвращаться **«негодного пустословия и прекословий лжеименного знания»** (1 Тим. 6: 20): **«Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»** (Кол. 2: 8).

Именно **«пустым обольщением»** цветистой фразы увлекал Рудин Наталью, пока не наступило ее прозрение: «от слова до дела еще далеко» (5, 282). Пустое рудинское велеречие противостоит апостольской заповеди: **«станем любить не словом и языком, но делом и истиною»** (1 Ин. 3: 18).

У Рудина нет прочной духовной опоры. Он сравнивает себя с надломленной яблоней: «она сломилась от тяжести и множества своих собственных плодов». «Она сломилась оттого, что у ней не было подпоры» (5, 249), — возражает Наталья. Вседержительная опора обретается верой: **«Аз есмь**

Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был, и грядет, Вседержитель» (Откр. 1: 8).

По суждению Рудина, «если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твердо, как может он дать себе отчет в потребностях, в значении, в будущем своего народа? Как может он знать, что он должен сам делать, если...» (5, 224). Запинка, прервавшая эту рудинскую тираду, многозначительна: у героя-скитальца нет веры, а значит — нет ни крепкого начала, ни корней, ни почвы, ни родины. Погруженный «в германский романтический и философский мир» (5, 249), он не способен к практическому деланию и лишь теоретизирует на почве отвлеченностей немецкой идеалистической философии. Само «красноречие его не русское» (5, 252). В то же время для «будущности своего народа» нужны общие начала с ним, общий корень — согласно православной литургии: не только **«едиными усты»**, но и **«единым сердцем»**.

Портрет И. С. Тургенева.
Художник Эжен Луи Лами, 1843–1844 год.

Но мысль Рудина не осердечена. Тогда как именно сердце — тот центр в христианской антропологии цельности, куда, соответственно учению православной аскетики о «само-собираении», должны быть собраны и мысли, и чувства, и волевые устремления до времени «рассыпанного» человека»⁸. Сердце является проводником к Богу, средоточием даров Святого Духа. Еще в первые века христианства святой Макарий Египетский призывал «собрать в любви ко Господу рассеянное по всей земле сердце». Преподобный Исаак Сирин учил: «сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы»⁹.

«Умника»-Рудина, «как китайского болванчика, постоянно перевешивала голова. Но с одной головой, как бы сильна она ни была, человеку трудно узнать даже то, что в нем самом происходит» (5, 278), — замечает Тургенев. Герой тщетно надеется только на человеческий разум, утверждая с бескрылых гуманистических позиций «веру в самих себя, в свои силы» (5, 224) и забывая, что есть **«превосходящая разумение любовь Христова»** (Еф. 3: 19); **«мир Божий, который превыше всякого ума»** (Флп. 4: 7). **«Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым, — наставляет апостол Павел, — <...> Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: «увлекает мудрых в лукавстве их». И еще: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны»»** (1 Кор. 3: 18–20).

В суетно-позерской «проповеди» Рудина нет апостольского духа самоотверженного служения истине. Призыв принести свою личность «в жертву общему благу» (5, 227) на деле остается пустословием самолюбивого фразера, сосредоточенного только на своем «я». Ему не дано понять, что «стыдно тешиться шумом собственных речей, стыдно рисоваться» (5, 252).

Пустая фраза без Бога заполняется в итоге противоположно направленной темной силой. Она словно персонифицируется в inferнальное существо, преследует героя, точно злой

гений, и становится источником гибели. В финале Рудин осознает: «Фраза, точно, меня сгубила, она заела меня, я до конца не мог от нее отделаться» (5, 319).

В безблагодатной фразе нет духовного горения. Хотя внешне Рудин может «разгораться», внутренне он остается «холоден, как лед» (2, 252). Мотив огня, сопутствующий герою, парадоксально антиномичен. Сама фамилия «Рудин», содержащая образный намек на огонь, этимологически многозначна и противоречива. Будучи производной от слова «руда» в значении «горная порода, содержащая металл», она указывает на силу и твердость. В то же время в русских говорах слово «руда» обладает большой смысловой объемностью. Наиболее распространенное значение — «кровь».

В евангельском свете кровь указывает на неизмеримую духовную высоту самопожертвования Христа на Голгофе во искупление человечества: **«сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»** (Мф. 26: 28); **«Кровь Иисуса Христа <...> очищает нас от всякого греха»** (1 Ин. 1: 7).

Жертвенная кровь Рудина на брошенной баррикаде: «Пуля прошла ему сквозь самое сердце» (5, 322), — оказалась бессмысленным и бесполезным жертвоприношением. В тургеневском романе мотив крови реализуется также в трагических стихотворных образах призрака **«с кровью на груди»** (5, 259), **«кровавых жизни незабудок»** (5, 271), которые косвенно соотносятся с образом главного героя.

Встречаются диалектные значения лексемы «руда» уже в отрицательной коннотации: «болотная ржавчина», «сажа», «замаранное пятно, грязь, чернота, особенно на теле, одежде, белье»¹⁰. Сниженный мотив пятна, загрязненности также обнаруживается в композиции образа Рудина: «Сколько раз вылетал соколом — и возвращался ползком, как улитка, у которой раздавили раковину!.. Где ни бывал я, по каким дорогам ни ходил!.. А дороги бывают грязные» (5, 311).

В метафорах и антитезах последнего монолога героя (высокий полет горделивой птицы — ползание по земле раздавленной улиткой) — история «агасферовских» скитаний Рудина — в итоге никчемных, пустых, постыдных.

В **«Словаре живого великорусского языка»** В. И. Даля «рудой» (южн. зап.) — рыжий и рыже-бурый, темно- и жарко-красный. Данные значения встраиваются в ассоциативный лексико-семантический ряд: «кровавый», «горячий», «жаркий», «огненный», «пламенеющий», «знойный» и т. д. Эти цвето- и светообразы также играют важную роль в формировании мотива Агасфера и в поэтике романа в целом.

Первоначальной заявкой рудинской темы звучат некоторые «неспокойные» ноты в умиротворяющем пейзаже экспозиции: тихим летним утром вдруг пробегают волны «красноватой ряби» по «высокой зыбкой ржи» (5, 199).

Метафорическим предварением главного героя, перспекцией его отношений с Натальей служит также «диспут» Липиной и Лежнева об огне:

«— <...> Вам все огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнет, надымит и погаснет.

— И согреет <...>

— Да... и обожжет» (5, 202).

С образом огня соотносятся имплицитные мотивы свечи, лампы, костра, жара, золы, пепла и некоторые другие. В первый вечер у Ласунской проявляется тема огненной рудинской стихии: герой «разгорелся», говорил «горячо». Возникает ассоциативная связь с пылающим костром, вокруг которого собираются люди: «Все столпились в кружок около него» (5, 225). Рудин всех всколыхнул, оживил, как будто влил свежей крови. Более всех на «огонь» Рудина отзывалась Наталья. Ее «честная, страстная и горячая натура» (5, 253) внутренне созвучна этому «пламени». Сама она начинает «пылать» и «светиться»: «Наталья вся вспыхнула» (5, 265); «лицо покрылось алой краской, и взор ее <...> заблестал» (5, 225).

Еще до драматического объяснения у Авдюхина пруда, когда героиня проявила решительность своей серьезной натуры, именно ее слово готово зажечь угасшего оратора, который «так безнадежно махнул рукою и так печально поник головою» (5, 242). Настроения печали и безнадежности соприродны Агасферу, обреченному на безысходную вечную кару.

Рудин — в агасферовском ключе — вовсе не костер, а, скорее, призрачный блуждающий огонек. Если продолжить этот образно-семантический ряд, рудинский свет сопоставим со слабым свечением светлячка. Неслучайно в романе упоминается о другом насекомом — божьей коровке, которая с усилием взберется «на конец былинки и сидит, сидит на ней, все как будто крылья расправляет и полететь собирается — и вдруг свалится и опять ползет» (5, 313).

Сходный рисунок поведения — в предсмертных мгновениях Рудина на баррикаде: он лез, «карабкаясь кверху и помахивая и знаменем, и саблей» (5, 332). Тело бесславно погибло,

Окончание на стр. 8

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК (К 205-летию И. С. Тургенева)

Окончание. Начало на стр. 6

но душа вознеслась в небо, как в фольклорных заклинаниях о «божьей коровке», ко Христу — истинному пастырю «божьих коровок» — душ человеческих.

Подлинный духовный огонь представлен в романе в ретроспективном плане. Вдохновитель студенческой молодежи Покорский вселял в окружающих «огонь и силу» (5, 257), в отличие от Рудина, которого «никто не любил <...> Его иго носили» (5, 256). Покорский «Пылал полуночной лампадой / Перед святынею добра...» (5, 255) «Лампада» Рудина, по его собственному признанию в эпилоге романа, разбита.

Тургенев прибегает к христианской образности и церковной стилистике, от лица Лежнева повествуя о кружке Покорского: «с каким-то священным ужасом благоговения <...> чувствовали себя <...> призванными к чему-то великому» (5, 256–257); «я совсем переродился: смирился, расспрашивал, учился, радовался, благоговел — одним словом, точно в храм какой вступил» (5, 257). В этом «храме» раздумья о судьбах мира, «о будущности человечества» были нераздельно слиты с мыслями «о Боге, о правде» (5, 257).

Справедливое общество, счастливая будущность невозможны без Христа, без исполнения евангельских заповедей. Безбожный прогресс, лукаво надуманные человеческие законы и юридические установления ведут лишь к внешним усовершенствованиям материальной стороны мира и одновременно — к духовному оскудению и нравственному одичанию. Вот почему все преобразования, за которые брался «прогрессист» Рудин, потерпели крах. «Святыня добра» и деятельной любви к людям была ему неведома. Его запал бесплодно угас: «уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319)

В тургеневском романе актуализирована внутренняя параллель с Агасфером, понесшим справедливую кару за то, что не знал сострадания, любви к Богу и человеку. Вечный жид нарушил главные заповеди, о которых Христос возвестил искушавшему Его законнику-фарисею: «*возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки*» (Мф. 22: 37–40); «иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12: 31).

Агасферовский грех Рудина в том, что, нарушая эти главные заповеди, из которых вырастают все другие христианские заветы, он отрекается таким образом от Христа, невольно принимает сторону противника Бога — сатаны, становясь его слепым орудием. Многие действия Рудина, помимо его собственной воли, уподобляются дьявольским козням. Так, холодным развешивающим рационализмом он разрушает юношескую любовь Лежнева, разъединяет влюбленных («диаболос» в переводе — «разделитель»); распоряжается чужими тайнами, «как своим добром» (5, 273); чудовищно обходится с матерью; бессердечен в отношениях с Натальей, сам не зная, зачем и куда он ее увлек. Подобно врагу рода человеческого — охотнику за людскими душами, Рудин поневоле выступает как ловец «молодой, честной души» (5, 267). Смутный намек на бесовские проявления его натуры — в пигасовском уподоблении Рудина хвостатому существу: «все судят о ваших достоинствах по хвосту» (5, 267). Наконец, Волынцев невольно заявляет об inferнальности сил, управляющих Рудиным: «с какого дьявола вам вздумалось ко мне с этим известием пожаловать?» (5, 272).

Прежде всего к самому Рудину относятся слова, сказанные им о Лежневе: «мало истины, мало любви» (5, 238). Подобно тому, как Агасфер оттолкнул Христа, не дав Господу даже временного пристанища, Рудин отталкивает искреннее чувство Натальи, не впуская любовь в свою душу. Он убежден, что для любви нет места в современном мире: «кто любит в наше время? кто дерзает любить?» (5, 250).

Неприкаянность становится наказанием и за отвергнутую любовь девушки, и за неумение и нежелание любить ближнего. Чтобы быть способным любить, требуется «надломить упорный эгоизм своей личности» (5, 227). Однако этот красноречивый призыв Рудина в его собственной жизни не выходит за пределы фразерства. Беда тургеневского героя в том, что «охотно и часто» говоря о любви, он «не довольно уяснил самому себе трагическое значение любви». По его же словам, надо было «поглубже зачерпнуть» (5, 250).

Глубочайший смысл жизни, все таинственные глубины бытия представлены в Новом Завете. В евангельском смысле человек, закрытый для любви, не впускает в душу самого Христа. Неспособность к любви равносильна отторжению от Бога. Священное Писание преисполнено темой любви; более того — свидетельствует о любви как сущности Бога: «*Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*» (1 Ин. 4: 16). К милосердной — Божеской —

любви настойчиво призывали человечество апостолы: «*Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога*» (1 Ин. 4: 8). Соответственно: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8).

В самоотверженной любви к ближнему — прообраз всеобъемлющей жертвенной любви Христа. Отделяя праведников от грешников, Христос говорит «тем, которые по левую сторону: *"идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня". Тогда и они скажут Ему в ответ: "Господи! Когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?" Тогда скажет им в ответ: "истинно говорю вам, так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне". И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную»* (Мф. 25: 41–46).

Неприкаянные странствования Рудина вызваны не столько внешними причинами, сколько его внутренним состоянием: безлюбовным отношением к жизни, за которое неизбежно наступает расплата. Неспособный к любви Рудин несет агасферовское наказание: «Маялся я много, скитался не одним телом — душой скитался» (5, 311). В эпилоге появляется мотив скитальческой судьбы как устрашающей кары, возмездия, таинственного проклятия Вечному жиду: «едва успею я войти в определенное положение, остановиться на известной точке, судьба так и соплет меня с нее долой... Я стал бояться ее — моей судьбы... Отчего все это?» (5, 319).

В финале романа дается ответ на роковой вопрос, наступает запоздалое прозрение. Герой тоскует по не реализованному им идеалу деятельной любви: «Слепую бабу и все ее семейство своими трудами прокормить <...> Вот тебе и дело» (5, 319). На возражение Лежнева: «но доброе слово — тоже дело» — Рудин «тихо покачал головой» (5, 319). Его слово не стало делом. Он не исполнил завета о слове-служении: «*Говорит ли кто, говори, как слова Божии; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог*» (1 Пет. 4: 11). Блистая «музыкой красноречия», Рудин самолюбиво забывал о Божественной сущности Слова: «и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1); «слово Твое есть истина» (Ин. 17: 17). Творящее, творческое слово, равнозначное делу, должно приближать к Богу, а не отдалять от Него. Облекаясь в роль оратора, Рудин пренебрег новозаветной заповедью: «*Более же всего облекитесь в любовь*» (Кол. 3: 14).

В противовес главному герою повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» (1873), нашедшему свое призвание в праведном служении Богу и своему народу, Рудин — странник разочарованный. Скиталец без Бога не «очарованный странник», а Вечный жид. Его неприкаянный дух «летает» в пустоте, точно пугающее привидение, «летучий голландец»: «очутился опять легок и гол в пустом пространстве. Лети, мол, куда хочешь...» (5, 314)

Смутно намеченный при первом появлении Рудина образ пустыни в конце романа усиливается, вырастает в метафору опустевшей, выжженной дотла жизни героя. Его кибитка еле тащится «в самый зной» (5, 307), «измученные лошаденки кое-как доплелись» (5, 307), и сам Рудин подобен заезженной понурой кляче — опустошенный, без сил, без чувств, без интереса к жизни: «Он сидел, понутив голову и нахлобучив козырек фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его с стороны на сторону. Он казался совершенно бесчувственным, словно дремал» (5, 307). «Когда же это мы до станции доедем?» (5, 307), — вопрошает Рудин возницу. По всей видимости, до своей станции, до своего земного приюта Агасфер не доберется никогда.

Эпилог содержит намек на то, что Рудин — явно в оппозиции к политической власти, не своей волей едет (скрытое указание и на автобиографический момент: Тургенев создавал свой роман, будучи высланным из столицы на жительство в его имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии): «Меня отправляют к себе в деревню на жительство» (5, 310). Но он и не под властью Христа, тогда как всякая власть, подменяющая евангельские Божеские заповеди лукавыми человеческими законами, есть зло.

Амбивалентность огненной энергии обнаруживает себя в смене колористической гаммы: «безбожный» огонь саморазрушитель, превращается в золу и пепел. Зной скитальческой жизни испепелил яркие краски: читатель видит Рудина в «старом запыленном плаще», герой «пожелтел в последние два года; серебряные нити заблестали кой-где в кудрях, и глаза, все еще прекрасные, как будто потускнели <...> Платье на нем было изношенное и старое» (5, 308). В сцене последней встречи с Лежневым Рудин «почти совсем седой и сгорбленный» (5, 310).

В финале романа отчетливо звучит покаянный мотив страдания и смирения: «было что-то <...> грустно-покорное в его нагнутой фигуре» (5, 309). Герой все более и более сгибается под тяжестью своей судьбы: «нагнутый», потом «сгорбленный» и, наконец, склоненный пулей в последнем земном поклоне: «повалился лицом вниз, точно в ноги кому-то поклонился» (5, 322).

Апофеозом «огненной» темы становится «знойный полдень» (5, 322) на баррикаде в Париже, где происходит своего рода «самосожжение» Рудина. Он окружен настойчивым мельканием красного цвета: красный шарф, красное знамя, — точно языками пламени. В Рудине не было внутреннего горения души и духа, и потому он испепелен огнем внешним. Сбылось пророчество в рудинском прощальном письме Наталье: «Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду» (5, 293).

Эта жертва — без веры, без любви — осталась напрасной и бесславной. По слову же Господа, только самоотверженная любовь к Богу и ближнему «*есть больше всех всесождений и жертв*» (Мк. 12: 33).

Типологическая близость персонажей-«скитальцев» в финале тургеневского романа оборачивается их расхождением. Вечный жид осужден на неприкаянное бессмертие как наказание и проклятие. «Духовный скиталец» Рудин в смерти обрел свое последнее пристанище: «полуденный зной проходит, и настает вечер и ночь, а там и возвращение в тихое убежище, где сладко спится измученным и усталым...» (7, 184) — написал Тургенев впоследствии в романе «**Отцы и дети**» (1861).

Смирный в смертном искупительном поклоне, Рудин невольно и неосознанно поклонился Богу. Герой очищен от греха — по апостольскому слову: «*А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою*» (Еф. 2: 13).

Актуализация параллели образа Рудина с Агасфером предоставляет возможность установления диалогической соотнесенности романа с христианским евангельским контекстом. Евангельский текст является скрытым импульсом, уводящим в метафизические глубины тургеневского произведения; придает ему религиозно-философскую универсальность, позволяющую не только выявить проблемы современности, но и обратиться к вечным вопросам бытия. Исследование символично-философской «запретности» романа помогает точнее определить религиозно-нравственную позицию писателя.

В эпилоге звучит глубоко прочувствованное лирическое слово Тургенева, которое открыто облекается в форму горячей молитвы к живому милосердному Богу: «И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!» (5, 322).

Первый тургеневский роман явился в какой-то мере самопредсказанием. Писатель словно предчувствовал собственную скитальческую судьбу «на краю чужого гнезда», кончину на чужбине, во Франции, вдали от Родины, от своего родового имения — «дворянского гнезда». Незадолго до смерти он передал прощальный поклон родным местам через своего друга, поэта Якова Петровича Полонского, будучи не в силах сам поклониться своим любимым «дому, саду <...> дубу, родине», которую ему уже не суждено было увидеть.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1965–1977. — Т. 18. — Кн. 1. — С. 212.
2. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 5. — С. 321. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
3. Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 3 т. — СПб., 1906. — Т. 2. — С. 477.
4. См.: Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. — М.: Сов. писатель, 1962. — С. 79.
5. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 123.
6. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. — М.: ГИХЛ, 1959. — Т. 2. — С. 305.
7. Святой Феодан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. — М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. — С. 145.
8. См.: Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетейя, 1994.
9. Исаак Сирий. Слова подвижнические. — М., 1993. — С. 24.
10. См.: Виноградов В. В. История слов. — М.: Институт русского языка РАН, 1999.

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕ ПРЕДАВАТЬ СВОИХ ИДЕАЛОВ
(200 лет А. Н. Островскому)

Продолжение. Начало на стр. 7

раскрыт через его персональную речевую характеристику. В сюжетах и драматургических конфликтах нашли верное отражение самые важные события и явления русской духовной и общественной жизни, особенности национального характера, индивидуальное своеобразие человеческих натур. Это настоящий литературный подвиг писателя.

Островский всецело посвятил себя драматургии и театру, жил и дышал ими, ни на что другое времени и сил не оставалось. Однако даже такой самоотверженный труд не приносил прочного материального достатка. Как, впрочем, и у многих русских писателей-классиков: например, Ф. М. Достоевского (1821–1881), Н. С. Лескова (1831–1895), при жизни испытывавших нужду, а после смерти увековеченных в памятниках.

В письме от 25 августа 1879 года Островский, отвечая на предложение, поступившее от редактора журнала «Русская старина» М. И. Семевского, об издании литературных и театральных мемуаров, признавался: «Я очень хорошо чувствую и всегда памятую, что на мне лежит долг сказать всю правду, какую я знаю, о многих лицах, принадлежащих уже истории: о литераторах, артистах, художниках... Иных я знал хорошо, с другими был близок, а с некоторыми был в самой короткой дружбе.

Я сам уже давно мечтаю, что "вот я буду писать свои воспоминания", как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!

С лишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделяю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т.е. без хлеба, с огромной семьей, — так уж до воспоминаний ли тут! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаил Иванович, воспоминания — для меня роскошь не по средствам».

Только в конце жизни Островскому был назначен пенсия: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало», — не без горечи замечал писатель.

Он так и не оставил собственных мемуаров. Зато о нем самом сохранилось множество сердечных, уважительных воспоминаний современников — писателей, журналистов, редакторов, актеров, друзей, знакомых. Личность «патриарха русской драмы» предстает здесь в полный рост, светится громадным талантом, воодушевлением, благородством, человеческим обаянием. «Он был поистине нравственно

сильный человек, и эта сила соединялась в нем со скромностью, нежностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромного влияния на окружающих. Он действовал, вдохновлял, оживлял <...> Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства, — свидетельствовал С. В. Максимов. — <...> Такова была и та притягательная сила богатства даров, какими обладал этот отечественный писатель и истинно русский человек и какие с избытком были отпущены на его долю». М. И. Семевский с душевной теплотой вспоминал: «Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведенных мною у А. Н. Островского. Там я видел истинно русское гостеприимство, добродушие, откровенность и нечопорных гостей».

Драматург работал буквально до последнего мгновения жизни и умер за письменным столом, не успев завершить своего заключительного труда.

В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) Островский размышлял: «История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец, и для всего света». Это утверждение, сделанное на исходе жизни, с полным правом драматург мог бы отнести и к себе, подытоживая собственный творческий путь.

Островский родился весной, 12 апреля (31 марта по старому стилю). К собственному 50-летию юбилею писатель преподнес самому себе необычный подарок: прямо в день своего рождения завершил работу над новой пьесой. Это была «Снегурочка» (1873) — «весенняя сказка», как сам автор определил ее жанр.

Неожиданно для всех Островский — реалист и сатирик — сочинил новаторскую, совершенно необычную для своего творчества пьесу — красивую, светлую, поэтическую. По всей видимости, рано пробудилась и долгие годы жила в душе писателя мечта о неизбежном обновлении — на началах правды и справедливости — человеческой природы и общественной жизни, которое обязательно должно наступить, как неминуемо происходит после зимнего оцепенения весеннее возрождение природы.

Уникальная в русской литературе, философско-символическая пьеса-феерия создает картину радостной, счастливой, свободной жизни в сказочной стране берендеев, которую населяет «народ честной и добрый», «народ великодушный». В идеальном государстве верховенствуют нравственные законы справедливости, миролюбия, благоразумия, добра, красоты и правды:

Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

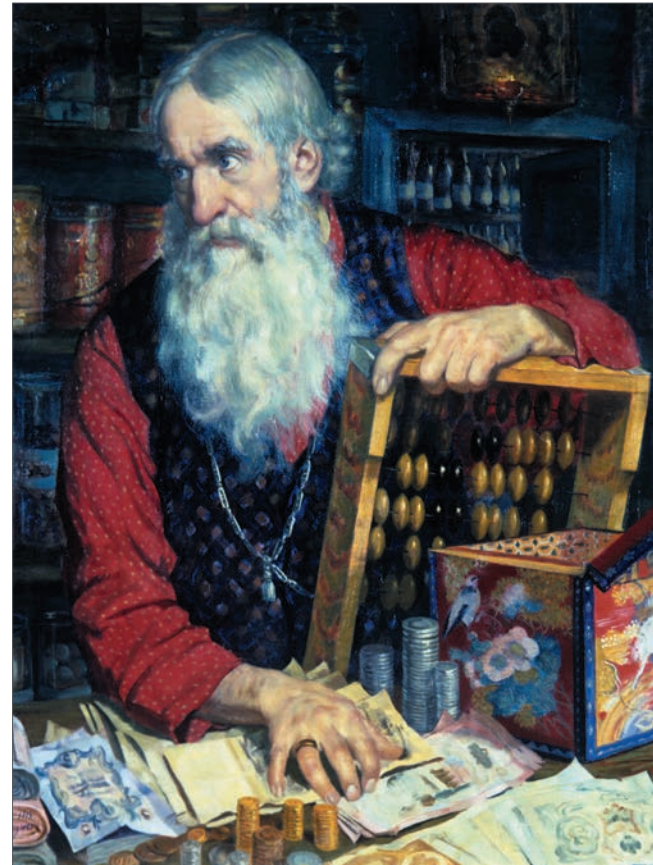
И главный смысл жизни и мироустройства — самоотверженная любовь: «На свете все живое должно любить» и «все, что есть на свете дорогого, живет в одном лишь слове. Это слово: Любовь» —

Благое чувство,
Великий дар природы,
Счастье жизни,
Весенний цвет ее.

Прославление Солнца, Правды, Любви, душевного огня, возвышенная жизнь творческого духа в «Снегурочке» резко контрастируют в других пьесах писателя с реалистическими картинами «темного царства», в основе которого — неистовая страсть к наживе, обман и одурачивание, произвол и угнетение, подавление личности.

Тема всевластия денег как «двигателя жизни», материальной выгоды, барышей; маниакальная идея несправедливого обогащения и ее разрушительное воздействие на человеческую душу, личность, судьбу в самодержавно-капиталистической России занимают центральное место в драматургии Островского. Это наглядно подчеркнуто уже самими названиями многих произведений: «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») (1849), «Бедная невеста» (1851), «Бедность не порок» (1853), «Доходное место» (1857), «Бешеные деньги» (1870), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872), «Бесприданница» (1878).

Одна из первых социально-критических пьес Островского — «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») (1849) — принесла молодому автору широкую известность и признание. Драматург открыто озвучил здесь преступные установки сильного мира сего устами купца с говорящим именем, отчеством и фамилией Самсон Силыч Большов.

Купец, считающий деньги. Художник Б. М. Кустодиев.

Этот якобы исполин, «хозяин жизни» заявляет: «Иуда ведь тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем». Продажность, предательство, отречение от Христа и Его идеалов любви к Богу и ближнему становятся главными директивами в деятельности таких Большовых и им подобных.

Так, например, в дебютной пьесе Островского «Семейная картина» («Картина семейного счастья») (1847) купец Антип Антипыч Пузатов не видит греха в том, чтобы обманывать не только посторонних, но даже знакомых и приятелей: «Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно». Собеседница Пузатова, его мать вторит сыну: «А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: "не обмануть — не продать"».

Даже такие понятия, как доброе имя и деловая репутация, необходимые для успешного ведения дел, — пустой звук для алчных торгашей. У них свои извращенные представления о порядочности, добродетели, чести. Эти искаженные аморальные установки самодовольно раскрывает именитый купец Павлин Павлынич Курослепов, беседуя с градоначальником, носящим имя-характеристику Серапион Мардарыч Градобоев (его даже в глаза называют Скорпион: «Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выйдет»), в драме «Горячее сердце» (1869):

«Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослепов. Ну, и пушай!»

В сатирической комедии «В чужом пиру похмелье» (1856) богатый купец Тит Титыч Брусков за ненасытную, гигантскую алчность получил прозвище Кит Китыч: «Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите». Этот чудовищный «кит» готов проглотить любого, кто посмеет стать у него на пути. В этом случае всегда к услугам продажные судейские чиновники. Вот характерный фрагмент диалога Брускова и стряпчего Захара Захарыча:

«Тит Титыч. <...> Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу».

Купец в шубе. Художник Б. М. Кустодиев, 1920.

Продолжение на стр. 10

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕ ПРЕДАВАТЬ СВОИХ ИДЕАЛОВ
(200 лет А. Н. Островскому)*Продолжение. Начало на стр. 1*

Островский в этой пьесе впервые открыл и описал тип человека-самодура и такое понятие, как *самодурство*; дал определение этому характерному явлению в сферах социальной и семейной жизни в России. Губернская секретарша, вдова Аграфена Платоновна беседует со своим постояльцем учителем Иваном Ксенофонтычем:

«Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Толпнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...»

«Мое слово — закон <...>, — безапелляционно изрекает Кит Китыч. — Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!»

Подобен Брускову купец Большов в пьесе **«Свои люди — сочтемся»**. Выдавая замуж за приказчика Подхалюзина дочь, мечтавшую о женихе «из благородных», самодур категорично заявляет: «За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю».

Тирания самодуров держится на власти денег. Особенно страдают от нее материально зависимые от деспотов-старших младшие члены семей, подневольные молодые люди: «Домашней радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем» (**«В чужом пиру похмелье»**). Такие «изверги в своем семействе» (**«Бедность не порок»**), как, например, хрестоматийно известные каждому еще из школьной программы по литературе купец-«ругатель» Дикой и ханжа-изверка Кабаниха в знаменитой драме **«Гроза»** (1859), показаны во множестве пьес Островского.

Так, например, Курслепов в пьесе **«Горячее сердце»** до того измучил собственную дочь, что она отважилась убежать из дома, подальше от тирании тупого отца и развратной мачехи. Прасковья — честная, искренняя, отзывчивая девушка с горячим сердцем, по типу характера схожая с Катериной в **«Грозе»**, — «без спросу» решила пойти на богомолье. «Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как, <...> пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить...», — заступается за героиню ее сердобольный крестный.

Но Курслепов организует погоню за дочерью, словно за беглой крепостной: «Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да

в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год». «Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...», — заявляет самодур-отец.

Патриархальный купеческий уклад ушел в прошлое. Сейчас все эти длиннороды «*купчины толстопузы*» в подпоясанных широкими кушаками кафтанах, стеганых поддевах и смазных сапогах, представленные в живописных картинах стародавнего быта за непрямым ведерным самоваром, кажутся слишком диковинными, причудливыми, архаичными. Однако истовое служение не Богу, а мамоне делает их узнаваемыми и сегодня. Смысл коммерческой деятельности этих лавочников и лабазников заключался в том, чтобы смошенничать, обмерить, обвесить, обсчитать, обмануть покупателя, пусть даже в мелочах. Такие нечистые на руку, мелочные плуты-торгаши до сих пор встречаются на каждом шагу.

Но особенно выделяются в наши дни типы буржуа и капиталистов, которых вывел Островский на смену своим ранним героям — старозаветным, невежественным, «диким» купцам. Новое поколение предпринимателей обрело иной размах. Капиталисты, «которые грубо наживаются и называют себя деловыми людьми», уже не озабочены копеечной выгодой, они ворочают миллионами.

Так, для промышленника Василькова в пьесе **«Бешеные деньги»** (1870) полмиллиона рублей — «это ничего». Промотавший состояние дворянин-бездельник Телятев с удивлением готов признать российского коммерсанта чуть ли не родней банкирского клана Ротшильдов:

«Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего».

Чаепитие в Мытищах, близ Москвы. Художник В. Г. Перов, 1862.

Эти новые хозяева жизни получили образование, обрели европейский лоск. Таковы коммерсанты в знаменитом шедевре Островского **«Бесприданница»** (1878):

«Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец»; «Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием». Неважно, что пожилой «денежный мешок» носит стародавнее имя, напоминающее о «диких» купцах в прежних пьесах драматурга. Ремарка выразительно демонстрирует иной уровень: «Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает». Кнуров и Вожеватов на протяжении пьесы несколько раз обсуждают предстоящую поездку в Париж, на выставку, где их давно ждут.

Сродни Кнурову «Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто» — в драме **«Последняя жертва»** (1878). Этот торговец с совсем не светским именем имеет абонемент в ложах самых блистательных театров, посещает дорогие представления с участием иностранных знаменитостей. «Росси извоили видеть? <...> Хороший актер-с», — говорит Прибытков своей собеседнице, аттестуя итальянского корифея Эрнесто Росси, который часто гастролировал в России. Тот же купец с сожалением заявляет о прославленной итальянской оперной певице, неоднократно выступавшей на русской сцене: «Патти не приедет-с». Кроме того, Прибытков — ценитель живописи, коллекционер дорогостоящих полотен:

«Ирина. <...> это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с».

В то же время расчетливый делец Прибытков (фамилия характеризует его как нельзя лучше) никогда не станет бросать деньги на ветер, ничего не сделает без выгоды. Он беспощаден к должникам, отправляя их в долговую тюрьму: «Угодно вам будет деньги заплатить, или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию?»

Когда приглянувшаяся ему молодая вдова Юлия Тугина умоляет богача дать ей денег взаймы, он отвечает категорическим отказом:

«Юлия. Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с».

Точно так же делец ценит свое время. Приглашая Юлию на обед, Прибытков обозначает строгие временные рамки: «Милости прошу откусать как-нибудь. Я всякий день дома-с;

Прием приданого в купеческой семье по росписи. Художник В. В. Пукирев, 1873.

Продолжение на стр. 11

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕ ПРЕДАВАТЬ СВОИХ ИДЕАЛОВ
(200 лет А. Н. Островскому)*Продолжение. Начало на стр. 1*

от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с».

Он готов раскошелиться, но исключительно в своих интересах. Старый сластолюбец, не равнодушный к женскому полу: «очаровательность женскую понимаю», — хочет просто купить расположение Юлии. И она это отчетливо понимает: «Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание».

Таков же Кнуров в «Бесприданнице». Пользуясь отчаянным положением, в котором очутилась Лариса, женатый старик предлагает девушке стать его содержанкой: «Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? <...> И полное обеспечение на всю жизнь? <...> Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления».

Кнуров не скупится, потому что для него Лариса, ее молодость, красота, душа, честь, жизнь и судьба — тот же товар, только дорогостоящий: «Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> И хорошего ювелира». «Всякому товару цена есть», — таково убеждение денежных воротил, уверенных в том, что все на свете — даже нематериальное, духовное — продается и покупается. По сути это антихристианская, сатанинская позиция.

Дельцы лишены души, не знают любви. Сердечные чувства заменил черствый, холодный расчет. Вот Кнуров

и Вожеватов прикидывают, кому из них может достаться Лариса, разыгрывают ее в орлянку, смотрят как на «вещь». Стоимость этого «товара» сопоставляется с ценой парохода «Ласточка»:

«Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

Кнуров. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров. Чего?

Вожеватов. А вот, что любовью-то называют.

Кнуров. Похвально, хорошим купцом будете».

Таковы дельцы и в семейных отношениях. Продаю самих себя без любви «миллионным невестам», как, например, «Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30» в «Бесприданнице»:

«Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому

надо постараться как можно повеселее провести последние дни. <...> Отец моей невесты — важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français! {Говорите по-французски!}»; «(показывая обручальное кольцо). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь».

В пьесе «Последняя жертва» красавчик-дворянин Дульчин, обещавший жениться на безумно влюбленной в него Юлии Тугиной, бросил молодую вдовушку, когда выиграл и проиграл в карты все ее состояние. Этот азартный игрок и мошенник собирается поправить свое финансовое положение женитьбой на внучке Прибыткова Ирине, ошибочно принимая ее за богатую наследницу. Однако, узнав, что большого приданого за Ириной не дадут, немедленно оставляет невесту. Промотавшийся вконец, Дульчин готов продать себя в мужья немолодой купчихе-миллионерше и обращается за содействием к свaxe:

«Дульчин. <...> Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

Окончание следует.

ИСКУССТВО

О ФИЛЬМЕ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «ХРИСТОС-ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

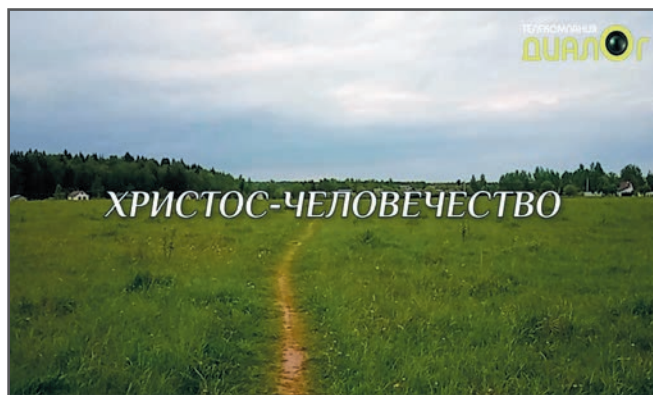
Все люди жаждут счастья. Ищут его. И это вполне естественное желание. Другое дело, что добыть желаемое затруднительно. Многие вовсе уверены, что счастья не существует, а любовь — всего лишь сложная химическая реакция организма. Помните Пушкина: «На свете счастья нет — но есть покой и воля?..» Если уж гению были свойственны столь мрачные рассуждения, то и у нас нет-нет, да и проскакивает предательская мыслишка — зачем жить, все равно это бессмысленно?.. Не знаю, как у вас, а у меня такое было. В минуты уныния человеку особенно важно ощущать поддержку, в какой бы форме она ни приходила.

Киноискусство дает возможность по-новому передавать философское знание. Сегодня оно обладает ни с чем не сравнимой силой воздействия на мировоззрение людей. Кино — это язык. Можно рассказать напигованную перестрелками криминальную историю, а можно — так показать обычную жизнь, что на душе станет легче и мрачные мысли уступят место мирному настроению.

В своем фильме «Христос-Человечество» Евгений Степанов показывает обычную жизнь обычных людей. Мы видим женщину, которая развешивает белье, собак, бегущих по переулку, девочку-дошкольницу, аппетитно уплетающую со сковородки жареную картошку... Все это снято практически на одном пятачке (за исключением морских пейзажей). И — диалоги. Не кухонные разговоры об удорожании жизни, а о важном: зачем мы, собственно, живем в этих декорациях? В чем смысл жизни? Поскольку эта история подается не как стандартный «путь героя» — восхождение-преодоление-успех-титры, а происходит на природе с обычными людьми, их слова воспринимаются зрителем намного сильнее. Они такие же, со своими проблемами, повседневными делами: то смородину собирают, то гуляют с собаками. В общем, живут. А разговоры о смысле жизни — это рефлексия, которую можно позволить себе в узком кругу по-настоящему родных и близких.

Евгений Степанов, будучи автором сценария и режиссером, очень тонко проводит основную мысль: мы все едины, частичка Христа есть в каждом из нас. Нам необходимо обдумать: где, в чем кроется счастье и как его достичь. Если мы христиане, и божественны по своей сути, нетрудно догадаться,

в каком направлении искать смысл земного существования. Кстати, в эту полнометражную картину идеально вписалась старая короткометражка «Смысл жизни», в которой Евгений Степанов излагает свой личный взгляд на главный вопрос: зачем мы пришли в этот мир?

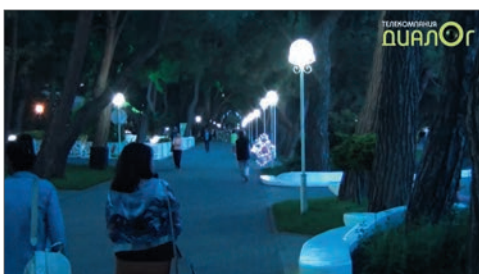
И вот что поразительно: на этот вопрос отвечают примерно одинаково и маленькая девочка, и почтенный мужчина. Они говорят о том, что смысл жизни — в мире и согласии. Старшее поколение мыслит глобально, рассуждая о мире во всем мире. Но все они, герои фильма, уверены — ненависть до добра не доводит. Только любовь согревает человеческие сердца. Мы живем не для того, чтобы разрушать, а для того, чтобы создавать. Любить. Мы же созданы по образу и подобию сами знаете Кого.

Передача философского знания осуществляется в фильме весьма прямо: через ответы главных героев на четко поставленный вопрос. Однако медитативная музыка и обстоятельства, в которых ведутся неспешные беседы, подспудно учат зрителя: только живя на природе, человек может в полной мере ощутить свое родство с ней. Морской закат напоминает нам о величии Творца, сбор урожая — о Его щедрости, собаки и коты — о том, что изначально, по высшему замыслу, человек и животные жили вместе в Раю в дружбе и понимании, ребенок — о том, что будущее есть только у того, кто кое-что понял в настоящем.

Кино — это язык символов. В этом отношении Евгению Степанову близки фильмы Сергея Параджанова, в которых мифологическое мышление режиссера представлено знаковыми символами. Образы существуют в различных плоскостях восприятия, действуя непосредственно на подсознание зрителя. Для Евгения Степанова эти так называемые «мелочи жизни» — не просто художественные образы, но живая, присутствующая современности реальность. Многие сцены, вошедшие в фильм, были сняты «здесь и сейчас», как, например, сцена с жареной картошкой: девочку режиссер «подловил» в самый удачный момент, когда она спокойна и радостна. Самое располагающее начало для душевной беседы. И отвечает ребенок не по бумажке — первое, что приходит в голову. То есть ее ответ абсолютно искренен. Так же были «застигнуты» остальные действующие лица, поэтому мы не сомневаемся в правдивости сказанного. И в этом огромная заслуга Евгения Степанова как режиссера. Вы себе представляете, сколько нужно терпения и труда, чтобы «разговорить» дошкольника?.. Да и взрослый в наши дни не особо рвется откровенничать с посторонними: себе дороже. Выходит, режиссеру удалось создать на съемочной площадке особую доверительную атмосферу, которая мгновенно передается зрителю. И вот уже мы начинаем сами себе задавать непросто-й вопрос, не раз прозвучавший с экрана...

Исходя из концепции Христианства, Богу мы обязаны своим появлением на свет. Поэтому наш долг — стараться Его познать. Но как это сделать?.. На самом деле — и просто, и сложно. Евгений Степанов стремится донести до зрителя: в каждом живет неистребимое ощущение единства человека с Богом и друг с другом. И, слава Богу, есть счастливицы, у которых можно поучиться счастью. Нужно каждому поискать для примера таких людей, которые осознают себя счастливыми, радуются каждому дню. И у них поучиться, как следует жить. Такие люди живут рядом с нами, главное — не пройти мимо.

Вера КИУЛИНА

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 20 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

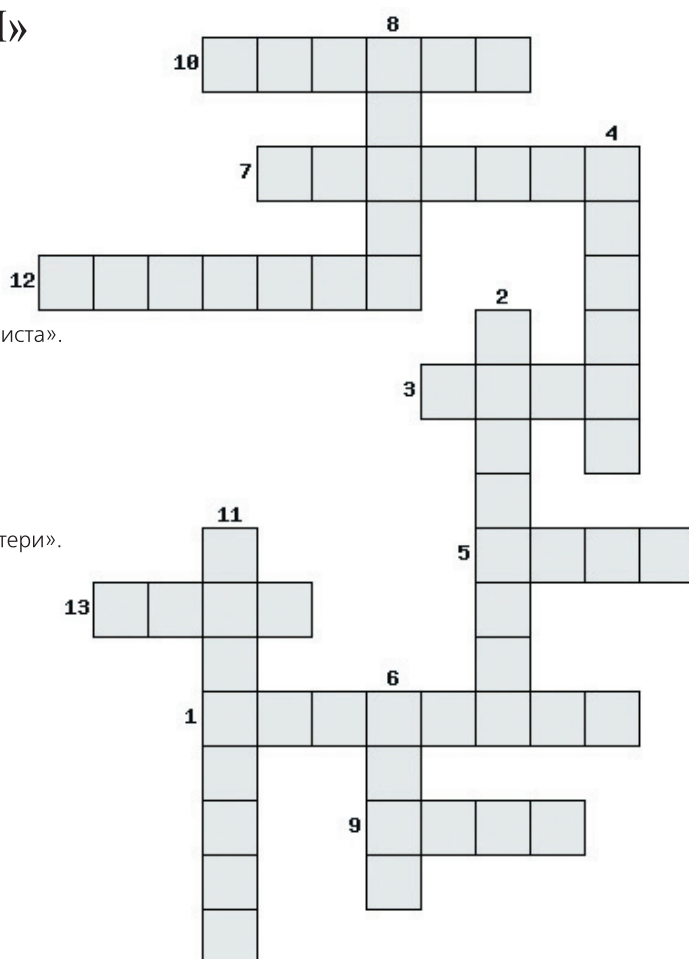
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Отцы и дети».
3. Автор романа «Тартарен из Тараскона».
5. Автор романа «Лелия».
7. Автор романа «Евгения Гранде».
9. Автор романа «Блистающий мир».
10. Автор романа «Пером и шпагой».
12. Автор романа «Приключения Оливера Твиста».
13. Автор романа «Дамское счастье».

По вертикали:

2. Автор новеллы «Пышка».
4. Автор повести «Белеет парус одинокий».
6. Автор романа «Собор Парижской Богоматери».
8. Автор романа «Человек-невидимка».
11. Автор романа «Котлован».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

Отпечатано в типографии «МАЙЕР».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 4962. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007